

ПОМНИМ

ОЛЬГА ДУНАЕВСКАЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВА

«**М**рилагайте все усилия, чтобы преодолеть разрывы в географии и в жизни», – сказал как-то Курт Воннегут на встрече со студентами.

И вот я сейчас села за стол и взяла ручку именно с этой целью – преодолеть разрывы в географии и в жизни и постараться вспомнить, чем был в моей жизни Воронеж и как связана с ним жизнь моей семьи. А связана она тесно.

В сорок седьмом году мои родители, Елена Викторовна Чистякова и Владимир Аронович Дунаевский, получили направление в Воронеж и чуть позже приехали туда. Оба – после защиты кандидатских диссертаций в Московском университете: у мамы – по реформе Ордина-Нащокина во Пскове в середине XVII века, у папы – по разработке Французской конституции 1875 года. Приехали они с моим старшим братом Леонидом, которому тогда исполнилось три года. Смотрю на их уже воронежскую фотографию. Это моя любимая, всегда стоит слева от письменного стола, на полках за стеклом. Какие же они были красивые! И брат не подкачал: чудесный трехлетний мальчик; когда вырос, стал похож на них обоих, взяв от каждого лучшее.

Мама преподавала в Воронежском университете несколько курсов: историю СССР, историографию, источниковедение, вела практику в архиве. При всей контактности и привычке быть в гуще людей, любви к своим ученикам она была очень предана архивной работе. Когда я была подростком, мама удивила меня, сказав, что ее любимое место – именно архив, там она забывает обо всем. А началось это с ее поездки во Псков, в архивах которого она сидела, готовя кандидатскую диссертацию.

Отец тоже был погружен в работу и тоже очень ценил круговорот людей вокруг, но так же, как и мама в архиве, сутками готов был сидеть в Истори-

ческой библиотеке. Когда я училась в Московском университете, то часто бывала в Историчке по своим формировавшимся научным нуждам и всегда знала: если надо найти папу, то он за вторым столиком у окна в зале всеобщей истории. Но это было позже, а про Воронеж тех времен я знаю лишь по маминым рассказам. Они всегда были такими живыми и складывались в пестрые паззлы.

Вот они приезжают из голодной послевоенной Москвы с трехлетним Лёней. Сначала им дают комнату в общежитии, но скоро они получают отдельную квартиру – неслыханная по тем временам роскошь. Весь город разрушен и на улице 11 Мая (теперь Театральной) их дом стоит, как свечка. Вокруг руины, и многие люди живут в землянках. Во время войны через город проходила линия фронта и 90 процентов жилых зданий было разбомблено. Квартира у родителей была двухкомнатная, в доме для университетских преподавателей. Я помню этот оштукатуренный желтоватого цвета дом, когда приезжала позже с родителями в Воронеж.

Вот как вспоминает сейчас о том времени мой брат Леонид:

«В первые год-два мы жили в здании университетского общежития, на улице Фридриха Энгельса. Если не ошибаюсь, его построили пленные. Оно было из серого силикатного кирпича и стояло недалеко от брезентового цирка-шапито.

Тогда многие вернувшиеся в Воронеж люди жили в землянках. И вот, торчит зимой из земли труба, а из трубы валит дым. Условия в землянках были, конечно, жуткие.

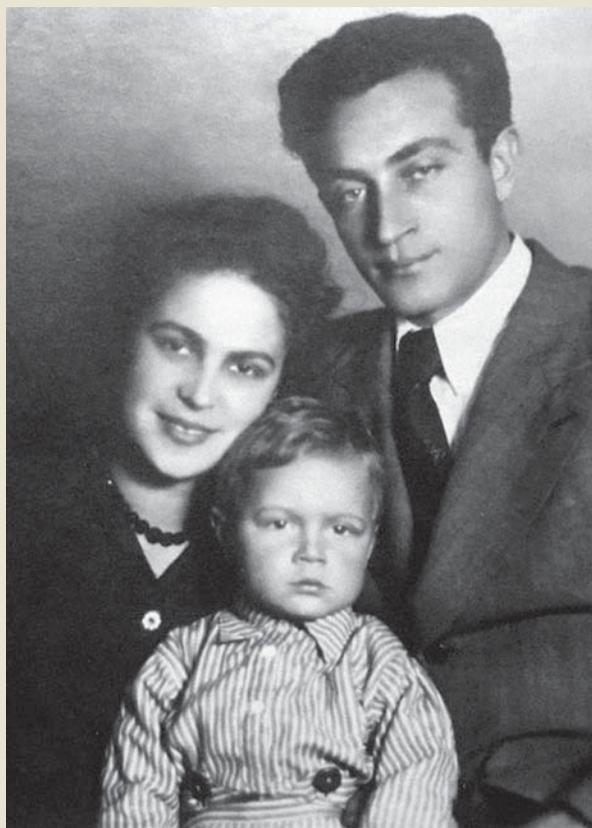
А первое, что мне вспоминается про людской пейзаж города, – это инвалиды войны. Их много повсюду: без руки, без ноги, а то и без двух, на самодельных тележках. Многих из них и дальше ждала тягостная жизнь. Политбюро приняло ряд «закры-

тых» решений, которые дублировались даже и в 50-е годы, и начиная прямо с 1946 года, а особенно интенсивно с 1948-го, города стали систематически «чистить» от тяжёлых инвалидов, не устроившихся на работу. Их фактически ссылали, через собесы и милицию, в специальные резервации; там никто их специально не убивал, они гибли сами – от голода (начальство, естественно, приворовывало), от недостатка элементарного обслуживания. Множество таких изуродованных войной мужчин лежит в безымянных могилах. Об одной подобной резервации Юрием Нагибиным написан трагический рассказ «Терпение», по которому был снят фильм. По линии милиции шли «попрошайки», которых сначала было много повсеместно. А где им, получавшим в лучшем случае мизерную пенсию, было взять денег не только на дешёвую водку, но и просто на хлеб-черняшку?

Город потихоньку строился, и через пару лет родителям дали двухкомнатную квартиру в университетском жилом доме. Наша квартира была на пятом этаже в доме 7/9 на улице 11 Мая (теперь Театральной). Эти пятиэтажные дома были 1950 года постройки. Думаю, их теперь снесли. В квартирах были очень маленькие кухни и микроскопические туалеты. Но это были отдельные квартиры, что считалось невиданной роскошью не только в разбомбленном Воронеже, но и в Москве. Замечу, что повсеместно, в том числе и в Москве, квартиры были чудовищно перенаселены. Битком набиты были и все подвалы. Вернувшись из Воронежа, мы поселились в квартире моих бабушки и деда с папиной стороны. Старики выгородили нам полкомнаты. Как и большинство квартир в центре Москвы, это была «приличная» квартира для одной состоятельной семьи, с итальянскими каминами и потолками высотой под четыре метра, с мощной лепниной. Но под этой лепниной тогда жило 32 человека. Разумеется, при одном туалете с протекавшим ржавым верхним бачком, одной ванной и одной кухне на всех. Отдельные квартиры были тогда у генералов, сотрудников «органов» и директоров крупных предприятий.

От цирка через реку Воронеж на низинную сторону реки шел высокий Чернавский мост. На низинной стороне был, да и сейчас работает, огромный авиационный завод.

Летом в цирке шли представления. Один раз я там серьёзно влюбился. Моя любовь была наездницей на лошади и красавицей. До сих пор помню её фамилию – Королёва. Пару раз я ходил с отцом на бокс. Боксирующих пар было много, и каждая дралась по одному раунду. Но бои были всерьёз,

Папа, мама, старший брат...
«Смотрю на их уже воронежскую фотографию.
Это моя любимая, всегда стоит слева
от письменного стола, на полках за стеклом...»

без дураков. Зрители орали обычные в таких случаях призывы.

Не раз мы ездили в СХИ, сельскохозяйственный институт. Под Воронежем сохранилось много дубрав и сосновых лесов, и на опушках я находил множество грибов. Однажды по дороге в СХИ я набрал с ведро огромных крепких боровиков. Но в другой раз, когда я со взрослыми жил в Сосновке, под Воронежем, случилась оказия. Мне было четыре года, но я считал себя профи по части грибов. Набрал сатанинских грибов, – а они похожи на белые, – я упросил няню сварить из них суп и, несмотря на его поганейший вкус, для поддержания собственного авторитета съел целую тарелку. И очень сильно отравился.

Родители были молоды и любили друг друга. Но размолвки бывали и переживались, конечно, с болью. Однажды мама, которой был 31 год, а отцу 33, сильно поругалась с отцом, и он объявил, что пошел топиться на Чернавский мост. И вправду ушёл. Мост был высокий, но река была такой глубины,

что утонуть в ней было очень проблематично, хотя во время весенних паводков она широко, вольно разливалась и даже подмывала дома. Но плавать отец не умел. Так или иначе маму он сильно напугал и был незамедлительно возвращен из подъезда домой. В шестидесятые годы реку перегородили, и она стала называться морем. А неподалёку построили Воронежскую АЭС.

В доме на теперешней Театральной у меня было множество знакомцев среди преподавателей разных специальностей. И с каждым имелись свои отношения. Всё это память хорошо, как-то свежо сохранила, хотя прошло 70 лет, так что я легко могу мысленно войти в квартиру каждого из них.

Друзья-геологи дарили мне, четырёх-пятiletнему любопытному пацану, большие друзья хрустали и чистого граната, малахиты, крупные сапфиры и множество других камней. Продать эти камни легально было невозможно, да им это и не было интересно. Потом, в Москве, я потерял интерес к камням и всё это добро частично отдал младшей сестре Оле, которая, глядя на них, стала читать книги Ферсмана о минералах, а частично раздарил.

Многоэтажные (то есть трех-пятиэтажные) дома по большей части были уничтожены, лишь в центре Воронежа сохранился кусок центрального проспекта (проспект Революции). Одноэтажные кварталы на спуске к реке пострадали меньше. Мы, дети, лазали по развалинам и кидали камешками в куски стекла. Кроме того, к развалинам у нас был и чисто коммерческий интерес. Ежедневно удавалось найти среди них куски металла, которые мы незамедлительно несли в «Утильсырьё» к одному пожилому приёмщику, а потом бежали покупать мороженое. Арматура и прочее железо стоили дешево, несколько копеек за килограмм, но его было много. Колоссальной удачей было найти кусок латуни или медной трубы – медь стоила, естественно, раз в двадцать дороже.

Не все воронежцы, возможно, знают, что если не обе ноги Воронежского университета, ВГУ, растут из Дерпта (Тарту, Юрьев), то одна-то точно. В 1918 году два железнодорожных состава привезли в Воронеж сотни студентов, преподавателей, профессоров, а также оборудование из Тарту, где условия стали малоподходящими для нормальной университетской жизни. В Воронеже они угодили под военный коммунизм и разруху Гражданской войны, но выбор был сделан и университет начал жить. Переехала и часть библиотеки и архива. И вот, под обломками одного из кирпичных зданий мы, мальчишки, раскопали эти архивные сокровища. Однако

все они были чёрного цвета, они прожарились, как древесный уголь, в огне бомбёжек. Мы вытаскивали целые почерневшие тома с явственно пропечатанными строчками, и они чёрной пылью разлетались в наших руках по ветру. Война сожрала и изуродовала многие миллионы людей и судеб. А заодно и часть мировой культуры.

Но для нас, детей, светило тёплое воронежское солнце. Вокруг расстилались воронежские леса и степи от горизонта до горизонта. Воронежские черноземы снова начинали кормить людей».

В университетском доме родители подружились с семьёй Москаленко. Анатолий Евсеевич был тоже историком, а его жена Анна Николаевна – археологом. Их сын Андрей был примерно ровесником нашего Лёни. Другой их соседкой и близкой приятельницей стала филолог-германист Алла Борисовна Ботникова.

Родители быстро получили ставки доцентов – по тем, да и дальнейшим советским временам зарплата у них была высокая. Куда тратить деньги в разрушенном городе? Мама и папа оба любили людей, щедро и радушно принимали гостей у себя. Помню позже, как мне нравились уже московские сборы их друзей: на них всегда пели, а в моем раннем детстве и танцевали, несмотря на тесноту нашего жилища. Было шумно и весело. Как-то, едва поспевая на улице за спешащей мамой, я ее спросила, почему она не пойдет петь в настоящий хор. На что ироничная мама ответила: «Потому что меня в тот же день выгонят». – «А папа?», – не унималась я. – «А папу выгонят на второй день», – смеясь, ответила мама. Но тем не менее у них обоих был прекрасный музыкальный слух и приятные, хоть, может, и не очень сильные голоса.

До Воронежа мама не умела готовить: оба они с папой вспоминали, как во время войны, когда папа приехал после госпиталя в Ашхабад, где находился в эвакуации Московский университет, они впервые оказались вдали от родителей, и мама решила сварить манную кашу – благо единственное, что было под рукой, это манка и вода. Мама налила в кастрюльку холодной воды, всыпала крупу и стала ждать. Каши, однако, не получилось. И вот, в Воронеже, обретя пусть и маленькую, но собственную кухню и приличные деньги, мама научилась чудесно готовить. На всю жизнь ее «коронным» кулинарным изделием стала утка с яблоками. Утка и яблоки покупались на воронежском воскресном колхозном рынке, звались гости, и всем было весело и сытно.

Когда я спрашивала, почему она хотела вернуться в Москву, мама всегда отвечала, что быстро стала скучать по своим родителям. Она с ними дей-

Папа, мама, старший брат и я...
 «Зимой мы с мамой на мои
 и ее каникулы ездили к ним
 в Воронеж.
 Мне поездка хорошо
 запомнилась – семья нечасто
 собиралась вместе...»

ствительно очень дружила, особенно с бабушкой, своим папой. Ехать было не особенно далеко, но это очень редко получалось. Работы было много, каждый вел занятия по нескольким учебным курсам, а в отпуск обычно ехали на юг, в санатории – у папы до последних дней жизни, а тогда и подавно, в теле перемещались осколки, из руки, простреленной автоматной очередью, они выходили, вызывая страшную боль, давали себя знать все девять ранений, и ему нужно было лечение.

Однако в 1952 году мама с Лёней все же переехала в Москву и начала работать в Историко-архивном институте. Родители жили на два дома. А в следующем, 1953-м, появилась я, так что папе пришлось поторопиться, хоть он и не хотел уезжать из Воронежа – в Москве ему не было преподавательской работы, которую он любил. Родилась я в декабре, папа еще был на сессии в ВГУ. Мама назвала меня Ксения. Потом в качестве знатока русского XVII века вспомнила Ксению Годунову и ее не очень удачную судьбу. «Тогда будет Анна», – сказала себе мама. Так что около недели я пробыла Ксенией, а потом столько же – Анной. Но вот приехал папа и твердо объявил, что ребенка будут звать Ольга. Так оно и закрепилось, уже документально.

Вскоре папа нашел работу в Ленинской библиотеке, став ее главным библиографом, и окончательно переехал в Москву. Но связи с Воронежем на этом переезде не прервались. Помню, например, как меня, шестилетнюю, уже в Москве ведут в гости к жене недавно умершего и похороненного тоже в Москве известного профессора-востоковеда и этнографа Ильи Николаевича Бороздина, большую часть жизни проведшего в ссылках. Его жена, Полина Андреевна, останавливалась у друзей, где-то недалеко

от центра, там был небольшой уютный двухэтажный дом. Нас встретили две пожилых дамы, которые мне очень понравились. Пока родители разговаривали, я листала книжки с картинками.

Не забывали нас и другие приезжавшие в Москву воронежцы. Мне очень нравилась Алла Борисовна Ботникова, которую я как-то увидела у нас дома, и я все спрашивала маму, когда она к нам еще придет. Помню и другой ее приезд, когда мне было уже лет семнадцать.

Папа тяготился работой в Ленинке. Она была «режимной», от и до; кроме того, ему приходилось постоянно напрягать и без того слабые глаза – близорукость у него была минус десять и продолжала прогрессировать. Во время работы в библиотеке он и там, и дома стал ходить в темных очках с диоптриями – так глаза уставали меньше. И вот в 1960 году он вновь отправился преподавать в Воронеж как доцент кафедры новой и новейшей истории. А вскоре к нему присоединился и мой старший брат Леонид. Один учебный год (1961/62) Лёня проучился на физфаке ВГУ и жил с отцом в комнате студенческого общежития.

Зимой мы с мамой на мои и ее каникулы ездили к ним в Воронеж. Мне поездка хорошо запомнилась – семья нечасто собиралась вместе. Помню снежное утро, мы сидим за столом в их общежитской комнате и все так вкусно: и сладкий чай, и хлеб, и особенно творог и густая желтоватая сметана. Дома творог я есть отказывалась, а с тех пор полюбила и все ждала, что мне попадет точно такой. А каждый вечер нас куда-нибудь звали в гости. Очень интересно оказалось в гостях у Москаленко. Мама и в Москве часто брала меня с собой, и, пока взрослые разговаривали, мне обычно давали

рассматривать книжки или альбомы с картинками, а потом – коробки с женскими украшениями. Я их распутывала и подолгу разглядывала.

Но у тети Ани, как она мне представилась, было самое интересное, что мне попало в моей семилетней жизни: она собирала маленьких кукол в национальных костюмах. Они стояли в серванте за стеклом, такие пестрые, невиданные, нездешние. Мне было разрешено их оттуда аккуратно доставать и разглядывать. А двух мне потом Анна Николаевна подарила, положив начало и моей собственной небольшой коллекции таких куколок. Когда выросла, я их раздала родственным мне детям.

Летом 1962 года папа и Лёня приехали в Москву. Лёня осенью начал учиться на кафедре биофизики биофака МГУ и жил уже с нами в Москве. А папа вскоре стал работать в Институте истории АН СССР, но всегда скучал по преподавательской работе и, не порывая отношений с ВГУ, продолжал ездить туда как председатель Государственной экзаменационной комиссии или на оппонирование и защиты диссертаций.

В 1967 году, когда мне было 13 лет, почему-то мне не с кем было остаться под Москвой на даче, и я поехала с папой в Воронеж. Жили мы в доме отдыха на реке Воронеж. Папа рано утром уезжал в город и возвращался поздно вечером, иной раз после ужина. Днем было очень жарко, хотя вода была рядом. Предоставленная самой себе, я гуляла целыми днями, а точнее сидела с книжкой на высоком берегу неширокой реки, а на другой стороне клубилась куртина красивых дубов с округлыми кронами, и казалось, там начинается густой волшебный лес. Волшебный – потому что моей лучшей «подружкой» в доме отдыха стала местная библиотекаряша, а она давала мне книги по своему выбору, и главным моим чтением тем летом стал трехтомник Гофмана. Как я потом установила, за теми деревьями начинался не лес, а бескрайняя воронежская степь.

Но вот к нам приехала мама, и я помню, как мы катались на нескольких лодках по Воронежу с друзьями родителей, которые приезжали нас навестить из города целыми семьями. Это были не столько бывшие родительские сослуживцы, сколько люди, не попадавшие к нам в Москву по службе и общению с которыми было затруднено. Контакты же с воронежскими историками, с Брониславом Яковлевичем Табачниковым и Евгением Иосифовичем Чапкевичем были постоянными,

особенно когда папа стал ученым секретарем, а потом заместителем председателя научного совета по проблеме «История исторической науки». На все конференции совета всегда приезжали воронежцы и обязательно бывали у родителей в гостях. Мама быстро накрывала стол, а потом иной раз выговаривала папе, что он ее поздно предупредил и она не успела испечь пирог.

Позже, в 1973 году, я познакомилась и с другими воронежцами – однокурсником родителей по истфаку МГУ, а потом коллегой по истфаку в Воронеже, профессором-античником, поэтом и замечательным детским писателем Александром Иосифовичем Немировским. Его книги «За столбами Мелькарта», «Слоны Ганнибала» и многие другие я и мои школьные друзья читали запоем. Я гордо сообщала, что мои родители хорошо знакомы с их автором. Познакомилась я в Воронеже и с близким другом поэта Осипа Мандельштама и Надежды Мандельштам Натальей Евгеньевной Штемпель, адресатом едва ли не лучших стихов Мандельштама из «Воронежских тетрадей». Люди эти вошли в мою жизнь благодаря моему будущему мужу, замечательному писателю Владимиру Шарову, который тогда был студентом заочного отделения истфака ВГУ и который незадолго до смерти прекрасно рассказал о них в посвященных Воронежу эссе (Сб. «Перекрестное опыление». М., 2018).

Володя иногда останавливался у Натальи Евгеньевны, когда приезжал на сессии, тогда же приезжала к нему и я. Наталья Евгеньевна была мне коллегой: я увлеклась стилистикой русского языка, а Н. Е. Штемпель много лет преподавала русский в авиационном техникуме. И между разговорами о поэзии, о Мандельштаме, о странной судьбе самой Натальи Евгеньевны у нас с ней случались и профессиональные. Среди книг по лингвистике, которые она мне подарила, было первое издание исследования академика В. В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», на котором Наталья Евгеньевна сделала трогательную дарственную надпись.

А сейчас, когда я пишу эти строки, в Воронеже по делам находится сын Леонида и мой племянник Федор Дунаевский, киноактер и музыкант, сыгравший в юности главную роль в фильме Карена Шахназарова «Курьер». Он пишет, в каком он восторге от города и какое у него странное чувство, что он тут знает каждый дом. Так что тесно переплелись с Воронежем наши судьбы.